

**ЗАМЕТКИ О СЯОШО:
КРАТКО О «ЗАПИСЯХ О ТЬМЕ И СВЕТЕ»
ЛЮ И-ЦИНА (403–444)¹**

«Ю мин лу» (幽明錄, «Записи о тьме и свете») — один из широко известных, знаменитых дотанских сборников сюжетной прозы *сяо-шо*, вышедший из-под кисти не менее знаменитого литератора Лю И-цина (劉義慶, 403–444)². Средний сын Лю Дао-ляня (劉道憐, 368–422), младшего брата основателя дома Лю-Сун Лю Юя (劉裕, 363–422), Лю И-цин был объявлен наследником дяди, другого младшего брата Лю Юя — линьчуаньского вана Лю Дао-гуя (劉道規, 370–412), у которого не было сыновей, и скоро унаследовал его титул. Отпрыск знатного рода, Лю И-цин в возрасте тринадцати лет принял участие в своем первом военном походе вместе с Лю Юем, а в пятнадцать лет получил должность начальника области. Он занимал много разных высоких постов при дворе, в свите императора: в семнадцать лет стал помощником начальника Управления департаментов, был начальником императорского книгохранилища — и здесь с детства неравнодушному к изящному слову Лю И-цину открылись книжные богатства, сыгравшие неопределимую роль в его будущем художественном творчестве. Так продолжалось до того, пока при дворе атмос-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в проекте проведения научных исследований «История китайской классической литературы с древности и до XIII века: поэзия, проза», проект № 12-34-09001.

² Другие названия: «Ю мин лу» (幽冥錄, «Записи о мрачно-загробном»), «Ю мин цзи» (幽冥記, «Записки о мрачно-загробном»). Вариант перевода названия, предложенный И. С. Лисевичем (1932–2000): «Истории света и тьмы» [Пурпурная яшма 1980: 239]. Английский вариант перевода: «Records of the Hidden and Visible Worlds» [Campany 1996: 75].

© И. А. Алимов, 2013

фера подозрительности и интриг не достигла апогея, и тогда Лю И-цин, всерьез опасаясь за свою жизнь, подал в отставку, испросив должность в провинции. В Цзинчжоу (пров. Хубэй), куда Лю И-цин получил назначение в 432 г. и где он провел восемь спокойных лет. Это был хорошо укрепленный район с сильным военным гарнизоном, здесь служили и жили многие отпрыски августейшей фамилии (например, в разное время начальниками этой области были Лю Дао-гуй и Лю Дао-лянь), сюда по призыву Лю И-цина приезжали и оставались служить многие знаменитые ученые-книжники и литераторы того времени³. Ближе к концу жизни Лю И-цин серьезно заинтересовался буддизмом и стал делать обильные пожертвования буддийским монахам; это увлечение нашло отражение и в его письменном наследии, в чем мы убедимся в дальнейшем. А в 442 г. Лю И-цин серьезно заболел и испросил разрешения вернуться в столицу, где и умер в самом начале 444 г. в возрасте сорока одного года⁴. После Лю И-цина осталось несколько письменных памятников, роль которых в истории китайской сюжетной прозы весьма велика, и в первую очередь — «Ши шо синь юй» (世說新語, «Новое изложение рассказов, в свете ходящих») и «Ю мин лу»⁵.

Сборник «Ю мин лу» значитесь в цз. 33 суйской династийной истории: «Записки о тьме и свете», двадцать цзюаней, автор Лю И-цин». В старой и новой танских династийных историях (цз. 46 и 59 соответственно) этот сборник значитесь уже в размере тридцати цзюаней. После этого «Ю мин лу» из поля зрения библиографических сочинений пропадает, — видимо, сборник был утерян при династии Сун.

³ Среди них поэты Хэ Чан-юй (何長瑜 V в.), Лу Чжань (陸展 V в.), поэт и историк Сяо Сы-хуа (蕭思話, 400–455), любимец Сяо-ди (годы правления 453–464) Хэ Янь (何偃 413–458), составивший «Цзин чжоу цзи» (荊州記, «Записки о Цзинчжоу», 437 г.), Шэн Хун-чжи (盛弘之, V в.), знаменитый поэт Бао Чжао (鮑照, 415?–470), и другие. Подробнее см.: [Лю Сай 2007].

⁴ Подробнее о Лю И-цине см. его официальную биографию в цз. 51 «Сун шу» (宋書, «История [династии] Сун») и в цз. 13 «Нань ши», а также: [Чжоу И-лян 1985: 159–161; 1991: 16–23; Чжунго вэньянь сяошоцзя пинчжуань 2004: 50–56].

⁵ Помимо этого нам известен сборник сяошо «Сюань янь цзи» (宣驗記, «Записки о подлинных свидетельствах»), который будет рассмотрен в ряду буддийских сяошо; также нам известно о «Сюй чжоу сянь сянь чжуань» (徐州先賢傳, «Жизнеописание мудрецов былых времен из Сюйчжоу») в десяти цзюанях, «Шэнь цзо мин ши чжуань» (江左名士傳, «Биографии славных мужей к востоку от Реки») в одной цзюани, «Цзи линь» (集林, «Лес собраний») в двухстах цзюанях; все эти произведения были утеряны, сохранились в лучшем случае фрагменты. Также до нас дошли два стихотворения Лю И-цина.

По крайней мере, южносунский библиофил, ученый и литератор Хун Май (洪邁, 1123–1202) в датированном 1198 г. предисловии к одной из частей своего знаменитого собрания сяошо «И цзянь чжи» (夷堅志, «Записи И-цзяня») привел текст рассказа из «Ю мин лу», найденный им в «Тай пин юй лань» (太平御覽, «Императорское обозрение годов Тай-пин»), и в конце посетовал: «Ныне “Записи о тьме и свете” уж нигде не встретишь, оттого [я] и использовал [этот рассказ] для предисловия» [Хун Май 1994: III, 1358]⁶. Отсюда ясно, что энциклопедические собрания и глобальные антологии танского и сунского времени активно использовали «Ю мин лу» и сохранили некоторые фрагменты из этого сборника; начиная с минского времени китайские книжники неоднократно предпринимали попытки свести воедино как можно больше фрагментов из утерянного сборника Лю И-цина: так, наибольшее количество утерянных фрагментов из этого сборника (158) собрано в книжной серии «Линь лан ми ши цун шу» цинского библиофила и издателя Ху Тина⁷. Наибольших успехов на данном поприще достиг Лу Синь, включивший в «Гу сяошо гоучэнь» (古小說鈎沉, «Извлечения из книг старой прозы») 265 фрагментов «Ю мин лу»⁸. В результате многолетней текстологи-

⁶ Текст рассказа такой: «Цзя Би (賈弼) из Хэдуна, по детскому имени И-эр (醫兒), был назначен помощником начальника управления в Ланье. [Однажды] ночью ему приснился человек с лицом, сплошь покрытым прыщами и волдырями, огромным носом и огромными белками глаз. [он] обратился к [Би]: “Мне так нравится ваше лицо, мой господин! Хотел бы поменяться с вами головами!” И [Би] во сне согласился на обмен. С рассветом [Би] поднялся, ни о чем не помня, — а люди в ужасе шарахаются от него! Князь Ланье призвал [Би] пред свои очи, лишь взглянул издали, поднялся и вернулся во внутренние покои. Тогда Би взял зеркало, посмотрел на себя и тут понял, что случилась удивительная странность. Вернулся домой, а жена и служанки убежали-попрыгались. Би уселся и рассказал подробно, [как все было]. Спустя долгое время из управления прислали людей, [те] подробно все узнали — лишь тогда поверили. Потом [Би] научился половиной лица печалиться, а другой половиной — смеяться, и еще писал одновременно двумя кистями, по одной в руке».

⁷ «Линь лан ми ши цун шу» (琳琅秘室叢書, «Книжная серия драгоценностей из запретного кабинета») была издана с досок Ху Тином (胡珽 1822–1861) в 1853 г. в составе четырех сборников, включавших тридцать сочинений, напечатанных по редким сунским и юаньским спискам из его библиотеки, носившей название «Линь лан ми ши», где таких рукописей и ксилографов Ху Тином было собрано несколько тысяч.

⁸ См.: [Лу Сюнь 1973: 351–436]. Китайские текстологи более позднего времени, и в частности Ли Цзянь-го, указывают, однако, на ряд сохранившихся фрагментов из «Ю мин лу», которые в реконструкции Лу Синя отсутствуют, а также на некоторые, которые есть у Лу Синя, но оказались причислены к составу «Ю мин лу» по ошибке и на самом деле принадлежат другим сборникам [Ли Цзянь-го 1984: 357].

ческой работы появился современный критический текст сборника Лю И-цина, подготовленный Чжэн Вань-цин 鄭晚晴 и вышедший в 1988 г. в Пекине. В нем в шести разновеликих цзюанях объединены 273 фрагмента: в первой — 41 фрагмент, во второй — 33, в третьей — 56, в четвертой — 64, в пятой — 50, в шестой — 29 фрагментов, и еще одиннадцать даны в приложении⁹.

Название «Ю мин» восходит к древнейшему памятнику «Чжоу и» (周易, «[Канон] перемен эпохи Чжоу»), где в комментариях сказано: «... и сможет постичь суть темного (ю 幽) и светлого (мин 明)» [Чжоу и ичжу 2007: II, 379]. Лю И-цин подразумевает под этим в первую очередь непостижимые чудеса, связанные с загробным миром и различными его проявлениями, взаимодействие мира потустороннего, обиталища умерших, и мира людей, светлого мира живых, — именно об этом «Ю мин лу». Ли Цзянь-го (李劍國, род. в 1943 г.) отмечает большое сходство этого сборника с «Соу шэнь цзи» (搜神記, «Записки о поисках духов») Гань Бао (干寶, 280?–336): то же стремление к всеохватности материала о чудесном в самых разных его прояв-

⁹ Помещенные в приложении фрагменты относятся к сомнительным: Лу Синь включил их в свою реконструкцию, исходя из того, что составители танских и сунских антологий часто отождествляли «Ю мин лу» с другим сборником Лю И-цина — «Ши шо синь юй», в комментариях к которому были позднее обнаружены и отрывки из «Ю мин лу»; однако же в известном ныне тексте «Ши шо синь юй» эти фрагменты не содержатся. Издание Чжэн Вань-цин выгодно отличается добротными, обстоятельными примечаниями, фрагментам («для удобства читателя») даны заголовки — на сегодняшний день оно самое, пожалуй, удачное; в настоящем исследовании я пользуюсь именно им. Кроме того, «Ю мин лу» в редакции Ван Гэнь-линя (王根林) были выпущены в составе антологии «Хань Вэй Лючао бицзи сяошо дагуань» (漢魏六朝筆記小說大觀, «Большое обозрение бицзи сяошо эпох Хань, Вэй и Шести династий»), вышедшей в 1999 г. в Шанхае (С. 689–747); это издание также основывается на списке Лу Синя и включает в себя такое же количество фрагментов, не разделенных на цзюани, идущих сплошным текстом, — по-видимому, издание 1988 г. Ван Гэнь-линь игнорировал, а принципы его собственной работы нигде в антологии толком не изложены. Также наиболее выигрышные и известные фрагменты из «Ю мин лу» неоднократно издавались в КНР в различных сборниках и антологиях старого рассказа — так, 107 прокомментированных, снабженных переводом на современный китайский язык фрагментов вошли в «Чжунго гудай ши да чжигуай сяошо шанси» (中國古代十大志怪小說賞析 «Десять великих древнекитайских сборников сяошо об удивительном, с анализом». Т. II. С. 580–694). Существует русский перевод пятнадцати фрагментов из «Ю мин лу», выполненный И. С. Лисевичем и К. И. Гольгиной (1 фрагмент) [Пурпурная яшма 1980: 239–256] по тексту Лу Синя; переводчик дал рассказам тематические заголовки, у Лу Синя отсутствующие. Тематические заголовки рассказов есть и в переводах восьми фрагментов из «Ю мин лу», сделанных А. Тишковым [Рассказы о необычайном 1977: 69–78].

лениях [Ли Цзянь-го 1984: 357]. Действительно, эти сборники достаточно близки, но сборник Лю И-цина в то же время имеет свои существенные особенности.

Как и у Гань Бао, в «Ю мин лу» содержится достаточное количество записей легенд, преданий и слухов, частично позаимствованных из предшествующих сочинений, частично записанных впервые, и среди героев таких фрагментов — ханьский император У-ди (годы правления 141–87 до н.э.), Цао Цао (曹操, 155–220), Сунь Цюань (孫權, 182–252) и др.¹⁰ Однако заимствования не превышают четверти объема «Ю мин лу», а основная хронология сборника — более современная: события времен от Цзинь и до начала Лю-Сун, и это одно из главных достоинств «Ю мин лу», выделяющее сборник Лю И-цина среди прочих собраний об удивительном. Здесь во множестве содержатся действительно свежие истории, в предшествующей письменной традиции еще не зафиксированные, и обработанные Лю И-цином в художественном ключе.

Хронологически материал в «Ю мин лу» практически не организован: относящиеся к ханьскому, цзиньскому или к лю-сунскому времени сюжеты можно встретить в самых разных местах сборника, хотя нельзя не отметить и некоторую тенденцию к исторической последовательности, которую пытался соблюсти еще Лу Синь. Какой-либо очевидной тематической организации материала также нет, можно лишь отметить, что, скажем, фрагменты, в которых животные проявляют необычайные способности, более сосредоточены в третьей цзюани, а связанные с душами умерших сюжеты преобладают в четвертой; это, однако, не значит, что сходные фрагменты нельзя встретить и в иных цзюанях «Ю мин лу».

Линь Чэнь (林辰, псевдоним Ван Ши-нуня 王詩農, 1912–2003) выделяет три основные тематические группы сборника: неофициальные исторические события; рассказы о местных диковинках и связанных с ними поветриях; рассказы об удивительных проис-

¹⁰ Что касается заимствований Лю И-цином из предшествующих собраний сюжетной прозы, то, согласно исследованию Ван Го-ляна 王國良, таких сочинений двенадцать: «И вэнь цзи» (1 фрагмент), «Ле и чжуань» (4), «Бо у чжи» (2), «И линь» (1), «Соу шэнь цзи» (11), «Чжи гуай» Цзу Тай-чжи (1), «Чжи гуай» Цао Пи (1), «Чжи гуай» г-на Куна (1), «Го-цзы» 郭子 (1), «Соу шэнь хоу цзи» (9), «Чжэнь и чжуань» (2), «Лин гуй чжи» (1 фрагмент). В то же время материалы из шестнадцати фрагментов «Ю мин лу» были использованы при составлении цзиньской династийной истории [Ван Го-лян 1980: 58–60].

шестви́ях сверхъестественного характера [Линь Чэнь 1998: 158]. Что касается первых (их в «Ю мин лу» содержится около двух десятков), то среди них попадаются достаточно традиционные исторические (псевдоисторические):

«Ханьский У-[ди] увидел [однажды] нечто, напоминающее бычью пень — [оно] вросло в землю и не двигалось. Спросил Дунфан Шо, Шо отвечал: “Это порождение духа печали. Лишь вином можно заглушить печаль, и ежели ныне [мой государь] окропит ее вином, то [она] рассеется”» [Лю И-цин 1988: 31]¹¹.

Однако же подобные приведенному выше фрагменты для «Ю мин лу» не столь характерны: иные рассказы об этом же ханьском времени представляют собой длинные (более тысячи иероглифов

¹¹ Дунфан Шо (東方朔, 154–93 до н.э.) — знаменитый ханьский сановник, толкователь чудес при дворе императора У-ди. Был неплохим поэтом, с его именем связаны многочисленные легенды. Неоднократно преподносил У-ди различные «волшебные» подарки, а однажды якобы вознесся на небо на зеленом драконе. Дунфан Шо — популярный образ древнекитайского придворного мудреца-острослова, герой многих художественных произведений, кроме того, он — бессмертный, персонаж китайского народного пантеона, где выступает в качестве покровителя золотых и серебряных дел мастеров.

Интересная вариация на эту тему содержится в сборнике «Сяо шо» (小說, «Пустяковые рассказы») лянского литератора Инь Юня (殷芸, 471–529): «У-ди ослепшил посещение дворцы Ганьцюаньгун. Ехал верхом и на дороге наткнулся на букашек: красного цвета, голова, глаза, жвалы, прочее все, как и должно быть, но никто [из свиты] таких не знал. Император послал поглядеть на них [Дунфан] Шо, тот вернулся и доложил: “Это *гуайцзай* (о ужас!). В древности при Цинь [людей] хватало безо всякой вины, и люди, обратив лица к небу, причитали: ‘о ужас! о ужас!’ Видно, и [их] страдания тронули Небо, и [оно] породило [этих существ], и оттого имя им гуайцзай. В этом месте раньше определенно было циньское узилище”. Сверились с картами земель — действительно [там] было старое узилище. [Император] еще спросил: “Как прогнать этих букашек?” Шо отвечал: “Такому помогает исчезнуть вино. Окропите их вином, и [они] рассеются”. Тогда [император] послал людей собрать букашек и положить в вино — и действительно: тут же растаяли!» [Инь Юнь 1999: 1027]. Ср. также с «Соу шэнь цзи»: «Ханьским император У-ди отправился в путешествие на Восток. Когда он еще не выехал из заставы Ханьгугуань, какая-то тварь перегородила ему дорогу. Длинной она была в несколько чжанов, видом походила на вола, у нее были черные глаза с мерцающими зрачками. Четыре ноги вросли в землю, так что невозможно было сдвинуть ее с места. Все чиновники дрожали от страха. Тогда Дунфан Шо посоветовал окропить эту тварь вином. Вылили на нее несколько десятков ху (один ху — ок. 52 литров. — И. А.) — тварь рассеялась. Император потребовал объяснений. Было сказано: “Тварь эта зовется Невзгода. Она есть порождение духа печали и, как установлено, возникла из-за беззаконий во времена Цинь. Иногда связывают ее появление с другими преступными беззакониями. Известно, что печали забываются за вином. Потому-то вино и заставило эту тварь рассеяться”. “Да! — сказал император. — Вот чего может достигнуть муж, проникший в суть вещей”» [Гань Бао 1994: 261].

объемом) полноценные сюжетные повествования, наполненные деталями, живыми описаниями и диалогами. В отличие от второй тематической группы, фрагменты которой фактически наследуют традиции сборников типа «Бо у чжи» (博物志, «Записи обо всех вещах») Чжан Хуа 張華, 232–300), это достаточно лаконичные записи о различного рода диковинках и чудесных явлениях, в первую очередь географического характера, построенные по схеме «в таком-то месте существует нечто необычайное, обладающее такими-то и такими-то свойствами»:

«В горах, что у озера Гунтинху, есть несколько камней — по форме как круглые зеркала, светлые, отражают человека. Их зовут “каменные зеркала”. Некогда один проходивший [там] путник развел на одном [таком камне] огонь, и [камень] перестал отражать, а человек тот вскоре ослеп» [Лю И-цин 1988: 71]¹².

Иначе обстоит дело с третьей тематической группой: она самая многочисленная, в первую очередь — фрагменты о душах умерших (зуй 鬼)¹³. Сразу надо отметить существенно возросший художественный уровень этих рассказов и то, что если в предшествующих собраниях историй об удивительном таковому уровню соответствовали лишь несколько особенно выдающихся фрагментов, то в «Ю мин лу» подобное положение вещей можно назвать практически нормой.

«В конце годов правления под цзиньским девизом Шэн-пин у одного жившего глубоко в горах старика из уезда Гучжансянь была дочка, и [...] Гуан (廣) из уезда Юйхансянь сватался к ней, но [старик] согласия не дал. После того как старик заболел и умер, девушка отправилась в уездный [город] купить [для отца] гроб и на полпути встретила Гуана. Девушка рассказала ему обо всем произошедшем.

— [Я] в такой сильной нужде, — сказала девушка. — И если вы, сударь, согласитесь отправиться в наш дом и присматривать за телом отца, пока я не вернусь, то я стану вашей женой!

Гуан согласился.

¹² Гунтинху — старое название юго-восточной части озера Поянху в пров. Цзянси.

¹³ Согласно подсчетам Жун Сяо-цо (榮小措, род. в 1976 г.) и Чжан Сяо-цян (張曉倩), примерно в восьмидесяти фрагментах из «Ю мин лу» речь идет о человеческой смерти: это треть сохранившегося текста. Что вовсе не удивительно, учитывая беспокойное время, в которое жил их автор [Жун Сяо-цо, Чжан Сяо-цян 2005: 106].

— У нас в загоне есть свинья, — сказала еще девушка. — Забейте ее, [сударь], чтобы угостить тех, кто придет [на похороны].

Подходя к дому девушки, Гуан услышал, что внутри кто-то хлопает в ладоши и радостно танцует. Гуан приник к щели, видит — а в зале полно бесов-гуй: ликуют, окружив тело хозяина. Схватив палку, Гуан с громким криком вбежал в ворота — и вся нечисть тут же разбежалась.

Гуан стал охранять тело, потом пошел и забил свинью. Настала ночь, и у тела [хозяина] появился старый гуй — протянул руки, прося мяса, и тут Гуан ухватил его за запястья, так что гуй уж не мог улизнуть, и держал гуя крепко-крепко. Тут слышит: снаружи собрались давешние бесы, кричат хором:

— Старый дурак, обжора, за едой явился! Вот здорово!

— Так это ты убил господина! — сказал Гуан старому гую. — Если сумеешь тотчас вернуть его душу обратно, я тебя отпущу, а коли не вернешь, не отпущу никогда!

— Да, это мы убили господина, — сознался гуй, а потом крикнул остальным. — Верните душу!

Тут господин стал оживать, и [Гуан] отпустил гуя.

Вернулась девушка с гробом — она и отец зарыдали от счастья.

Так [Гуан] и получил девушку в жены» [Лю И-цин 1988: 11]¹⁴.

В «Ю мин лу» достаточно историй, главные герои которых не боятся нечисти, смело противостоят ей и одерживают верх. Не все из них откровенно «бесоборческие», как вышеизложенная, есть такие, в которых люди просто проявляют стойкость перед лицом души умершего, чего оказывается достаточно для прекращения нападков и безобразий.

«Позади дома Чэнь Цин-суня (陳慶孫) из Иньчуани росло волшебное дерево. Многие приходили к нему молить о счастье, а затем [там] соорудили храм, назвали — Тяньшэньмяо (Храм небесного духа).

У Цин-суня был черный бык. [Вдруг] из пустоты раздались слова духа:

— Я — небесный дух, и [мне] нравится этот бык. Если не отдашь [его] мне, в двенадцатый день будущей луны я убью твоего сына!

— Жизнь человека предопределена, — отвечал Цин-сунь. — И предопределена не тобой!

Подошел срок, и сын [Цин-суня] и впрямь умер.

¹⁴ Годы правления под цзиньским девизом Шэн-пин — 357–361. Уезд Гучжансянь располагался в границах современного уезда Аньцзисянь пров. Чжэцзян. Юйхансянь располагался неподалеку, в районе совр. г. Ханчжоу. [...] — знак, показывающий отсутствие одного иероглифа. Таким образом, фамилия Гуана остается нам неизвестной.

— Не отдашь мне [быка], придет пятая луна, и [я] убью твою жену! — снова раздался голос.

[Цин-сунь] опять [быка] не отдал. Подошел срок, и жена и впрямь умерла.

— Не отдашь мне [быка], осенью убью тебя самого! — снова раздался голос.

[Цин-сунь] опять [быка] не отдал. Пришла осень, а [он] все не умирал. Тут явился дух и покаянно сказал:

— Вы, господин, человек твердый, и во всем суждено [вам] великое счастье. Прошу не рассказывать никому эту историю, ведь если небо и земля узнают [о ней], вина моя будет велика! На самом деле [я] — всего лишь мелкий бес, которому повезло служить в Управлении судеб, [я] узнал срок кончины ваших, господин, жены и сына и таким вот образом обманывал вас, думая выманить еду. Очень прошу простить меня. А вам, господин, записано восемьдесят три года [жизни], в доме [у вас] будет согласно [вашим] желаниям, души умерших и духи станут помогать [вам] и защищать, да и я буду служить [вам] как покорный слуга!

И было слышно, как [дух] бьется лбом о землю» [Лю И-цин 1988: 93]¹⁵.

Впрочем, даже короткие истории о душах умерших из «Ю мин лу» вполне законченны, своеобразны и заслуживают внимания. Некоторые не лишены юмора.

«Жуань Дэ-жу однажды по дороге в уборную столкнулся нос к носу с бесом — [тот был] ростом более чжана, весь черный, глаза огромные, в появ-

¹⁵ Этот рассказ в переводе И. С. Лисевича см.: [Пурпурная яшма 1980: 246–247]. Иньчуань — цзиньский военный округ, располагавшийся на территории средней части современной пров. Хэнань. Интересно сравнить эту историю с другой, также содержащейся в «Ю мин лу», но повествующей не о душе умершего, а о мыши-шантажистке: «Во времена вэйского Ци-вана [по имени] Фан (Цао Фан (曹芳, 231–274), титул которого был Ци-ван (齊王) и который, оказавшись на троне в восьмилетнем возрасте, правил с 239 по 254 г. — И. А.) в Чжуншани (в районе современного уезда Динсянь в пров. Хэбэй. — И. А.) жил некто Ван Чжоу-нань (王周南), он стал начальником Сянъи (уезд, располагавшийся на территории современной пров. Хэнань. — И. А.). Однажды [к нему] из норы вылезла мышь и говорит: “Чжоу-нань! В такой-то день ты умрешь!” Чжоу-нань не обратил [на мышь] внимания. В назначенный срок [мышь] появилась снова — одетая в официальное платье и шапку. Сказала: “Чжоу-нань! К полудню ты умрешь!” [Чжоу-нань] опять не обратил [на мышь] внимания, и та ушла в нору. День клонился к закату, когда снова появилась мышь в официальном платье: “Чжоу-нань! Раз ты не реагируешь, что я еще могу сделать?” — сказала, повалилась наземь и сдохла. Официальное платье и шапка куда-то исчезли. [Чжоу-нань] подошел, присмотрелся: мышь как мышь, ничего особенного» [Лю И-цин 1988: 83].

занном на военный манер головном платке. Дэ-жу не почувствовал страха в сердце своем, но засмеялся и сказал:

— А ведь правду говорят, что бесы отвратительны!

Бес покраснел от стыда и скрылся с глаз» [Лю И-цин 1988: 111]¹⁶.

Такие рассказы — о людях, не верящих в волшебную силу душ умерших и в то, что они могут причинить вред, достаточно показательны для сборника Лю И-цина, хотя есть тут и вполне традиционные истории, например, о людях, не веривших в существование душ умерших и поплатившихся за это¹⁷. В «Ю мин лу» рассказы о душах умерших весьма разнообразны: тут и история о Ма Чжун-шу (馬仲叔), который после смерти, озабоченный тем, что его друг Ван Чжи-ду (王志都) до сих пор не женат, устроил его свадьбу; и о душе умершего, привлеченной искусной игрой Хэ Сы-лина (賀思令) на цине и подарившей ему мелодию, которая стала впоследствии очень известной; и о бездетном Ху Фу-чжи (胡馥之), чья умершая жена воскресла исключительно для того, чтобы родить ему наследника; и т. п.¹⁸

¹⁶ Жуань Дэ-жу — известный цзиньский поэт и лекарь Жуань Кань (阮侃, IV в.), второе имя которого было Дэ-жу 德如. Способностями выделился среди сверстников еще в детстве. Наивысшим служебным его достижением стал пост начальника Хэнэя (одна из ключевых цзиньских областей, располагалась на территории современной пров. Хэнань).

¹⁷ Апофеозом этой темы — когда души умерших запугивают живых, дабы те принесли им жертвы — может считаться весьма примечательный и один из самых выразительных в «Ю мин лу» рассказ о том, как душа вновь умершего человека в поисках пищи обращается к своему родственнику, тоже умершему, но ведущему вполне сытое существование, за советом и получает его: попугай людей, и все у тебя будет. После двух неудачных попыток, когда голодный умерший был вынужден трудиться день напролет (желая как следует испугать, молот зерно жерновами), а в результате не получил ничего, третья попытка увенчалась успехом: увидев, как в воздух взмыла поднятая невидимым умершим собака, жители принесли собаку ему в жертву. «После этого [он] время от времени именно так безобразничал — как и научил его друг-умерший» [Лю И-цин 1988: 132]. Рассказ написан с известной долей юмора, и из него мы узнаем как минимум две важные вещи: во-первых, в мире мертвых необходимые знания передаются, если так можно выразиться, из поколения в поколение — как и у живых; а во-вторых, что и запугивать живых нужно тоже с умом, правильно выбирать, кого именно запугивать: первые два дома, куда явился незадачливый герой этого рассказа, принадлежали приверженцам буддизма и даосизма, зато в третьем жили не связавшие себя ни с одним религиозным учением люди. См. этот рассказ под названием «Тощая душа» в переводе А. Тишкова [Рассказы о необычайном 1977: 76–78].

¹⁸ Историю о Ма Чжун-шу см. в русском переводе И. С. Лисевича (под названием «Как покойный друг помог жениться») [Пурпурная яшма 1980: 253–254]; о Ху Фу-чжи (под названием «Как мертвая родила») [там же: 249].

Впервые именно в «Ю мин лу» возникает и мотив расставшейся с телом души — по причине сильных любовных чувств.

«В Цзюйлу жил некто Пан Э (龐阿), красивый наружностью и манерами. [У жившей] в том же округе семьи Ши была дочь — однажды [она] украдкой увидела Э, и [он] запал в ее сердце. Вскоре и Э увидел ее — и пригласил заходить к нему. Жена Э была очень ревнива — велела служанкам связать [девушку] и отправила обратно в дом Ши, но на половине дороги [девушка] вдруг обратилась в туман и пропала. Тогда служанки явились в дом Ши и рассказали о произошедшем. Отец Ши в большом изумлении воскликнул:

— Моя дочь за ворота и носа не казала, да как [вы] смеете так ее почитать!

С тех пор жена Э стала постоянно следить за ним и однажды ночью обнаружилась девицу [Ши] в [его] кабинете — схватила за руку и отвела к господину Ши. Отец Ши, увидев дочь, в изумлении вытаращил глаза:

— Да я только что из внутренних покоев и видел там, как дочь и [ее] мать вместе сидели за работой! Откуда [она] здесь-то взялась?!

И велел служанке бежать во внутренние покои, позвать дочь, — и тут та, что была связана, опять исчезла! Подозревая странное, отец особо наказал матери разобраться, [в чем тут дело].

— Когда Пан Э приходил [к нам] в дом в прошлом году, [я] увидела его в щелочку, — сказала девушка. — А потом [он] как будто во сне пригласил меня прийти, и [я] пришла, а жена [Э] связала меня!

— Сколь удивительные вещи случаются в Поднебесной! — проговорил Ши.

Так сердце было охвачено чувством, и душа устремилась темными путями [к Пан Э], а та, что исчезла, — и была отлетевшая душа!

После этого девица [Ши] зареклась выходить замуж. Минул год, и жена Э вдруг заболела злой болезнью — ни лекари, ни снадобья не помогали. Тогда Э послал семье Ши свадебные дары, и девушка стала его женой» [Лю И-цин 1988: 16]¹⁹.

Этот рассказ базируется на традиционных китайских представлениях о двойственности духовной составляющей человека: «телесной» душе *по* (魄) и «духовной» душе *хунь* (魂), и последняя при определенных обстоятельствах может покидать физическую обо-

¹⁹ Цзюйлу — округ, административный центр которого находился на территории современного уезда Пинсянсянь пров. Хэбэй. См. этот рассказ в переводе А. Тишкова (под названием «Любовь с первого взгляда») [Рассказы о необычайном 1977: 75–76]. Этот сюжет позднее получил достойное развитие в знаменитой танской новелле «Ли хунь цзи» (離魂記, «Записки о душе, расставшей [с телом]») Чэнь Сюань-ю (陳玄祐, VIII в.).

лочку, так что, строго говоря, к душам умерших история о Пан Э и девице Ши отношения не имеет, но должна быть отнесена, скорее, к историям об оборотнях, ибо душа хунь девицы Ши, стремясь к возлюбленному, обрела физическое воплощение, и теряла его, будучи приближена к своему настоящему телу. Рассказов на эту тему в «Ю мин лу» в общей сложности три. Куда более многочисленны рассказы (более полутора десятков) о возвращении души в брнное тело — разнообразных воскрешениях, восстании из мертвых, в том числе в результате стремления к любви, которой умершие были лишены²⁰.

«Ма-цзы (馬子), сын начальника Гуанпина Фэн Сяо-цзяна (馮孝將), [однажды] увидел во сне девушку лет восемнадцати — девятнадцати, и [она] сказала: “Я — дочь прежнего начальника [этого] округа Сюй Сюань-фана (徐玄方). К несчастью, [я] рано умерла, и с [моей] смерти прошло уж четыре года. Незаслуженно была [я] изничтожена бесами, а так-то в книге жизней [мне] было записано долголетие больше чем до восьмидесяти лет! Нынче мне позволено сызнова вернуться к жизни, [я] хотела бы стать вашей, сударь, женой. Согласны ли?” Ма-цзы раскопал [могилу], открыл гроб, смотрит — а та девушка уж ожила! Так [они] и поженились» [Лю И-цин 1988: 12]²¹.

Хоу Чжун-и (侯忠義, род. в 1936 г.) отмечает, что в «Ю мин лу» есть только один рассказ о влюбленных, которых разлучила смерть, где воскресаёт юноша, — во всех остальных к жизни возвращаются девушки [Хоу Чжун-и 1990: 142]²². Но к особенностям именно сбор-

²⁰ Линь Чэнь замечает, что такие и им подобные рассказы, в сравнении с похожими, которые мы можем найти в собраниях предшествующей прозы, у Лю И-цина заиграли новыми красками как по форме, так и по содержанию [Линь Чэнь 1998: 160]. По наблюдениям Жун Сяо-цо и Чжан Сяо-цзянь, к любовной теме в «Ю мин лу» имеют отношение, по крайней мере, тридцать фрагментов [Жун Сяо-цо, Чжан Сяо-цзянь 2005: 106].

²¹ Гуанпин — цзиньский округ, находившийся на территории современной пров. Хэбэй и при Восточной Цзинь переименованный в Сюйчжоу.

²² Это весьма поэтический рассказ о юноше, влюбившемся в торговку пудрой и постоянно покупавшем ее товар, дабы иметь возможность поглядеть на предмет обожания. Когда же девушка дозналась до причины и удостоила юношу свидания, тот от радости умер в ее объятиях. Родственники умершего выяснили, кто стал причиной смерти их сына, но перед тем, как передать торговку пудрой властям, позволили ей оплакать юношу. Он воскрес, и молодые люди поженились. См. этот рассказ в переводе А. Тишкова под названием «Торговка пудрой» [Рассказы о необычайном 1977: 71–72].

ника Лю И-цина это отнести нельзя: такова общая тенденция сюжетной прозы рассматриваемого (и более позднего) времени.

Несколько рассказов из «Ю мин лу» продолжают тему любви — уже между земным мужчиной и небожительницей. Эти рассказы носят явную даосскую окраску и восходят к истории о Персиковом источнике из знаменитого сборника «Соу шэнь хоу цзи» (搜神後記, «Последующие записки о поисках духов») Тао Юань-мина (陶淵明, 365–427). Наиболее выразительных таких историй у Лю И-цина две²³. Обе связаны с посещением труднодоступных обителей бессмертных, расположенных глубоко в горах; именно там героини находят прекрасных бессмертных дев, предаются с ними любви, а потом расстаются. В отличие от подобных историй из «Соу шэнь хоу цзи», где небожительницы нисходят из заоблачных сфер к смертным мужчинам, в «Ю мин лу» бессмертные девы принимают гостей на, так сказать, своей территории; а если сравнивать эти фрагменты с похожими из «Соу шэнь хоу цзи» Тао Цяня, то развитие также налицо: в «Ю мин лу» бессмертные девы живут в просторных домах, богато убранных и изящно украшенных, в их распоряжении уже находятся многочисленные служанки, в честь прибытия (или проводов) гостей тут устраивают роскошный пир с музыкой и пением, а за недолгое, казалось бы, время отсутствия героев в земном мире проходят многие годы; нельзя не отметить и возросшую детализацию описаний²⁴.

Присутствуют в «Ю мин лу» и оборотни.

«Люй Цю (呂球) из Дунпина был богат и хорош собой. [Он] направлялся на лодке к озеру Цюйэху, как поднялся ветер, путь продолжать было нельзя, [и Цю] причалил у зарослей цицании. Видит — юная девушка в лодке, собирает водяные орехи, а одета с ног до головы в листья лотоса.

— Девушка, ты не злобный оборотень? — спросил тогда [Цю]. — Откуда у тебя такая одежда?

Девушка переменялась в лице от испуга и отвечала:

— Вы не слушали разве — «платье из лотосов — о! — орхидеевый пояс, вдруг появилась — о! — и тут же пропала?»

Но вид [у девушки] по-прежнему был испуганный — развернула лодку, перехватила весло, чуть помедлила и поплыла прочь. Цю выстрелил из лука

²³ См.: «Обитель бессмертных дев» в переводе И. С. Лисевича [Пурпурная яшма 1980: 243–245], «Как женился Хуан Юань» в переводе А. Тишкова [Рассказы о необычном 1977: 69–70].

²⁴ Подробнее о любовных историях в «Ю мин лу» см.: [Мэн Цин-ян 2007].

[ей] вослед — и убил выдру! А лодка ее оказалась сплетенной из водорослей.

[Тут Цю] увидел стоящую на берегу старушку-мать — [она] словно ждала кого-то и, увидев проплывающую лодку [Цю], спросила:

— Вы, сударь, не видели там девицу, собирающую на озере водяные орехи?

— Плывет прямо за мной! — отвечал Цю, прицелился, выстрелил и сноу убил выдру, старую.

Те, кто живет у озер, все говорят, что на озерах постоянно попадают собирающие водяные орехи девушки — красы такой, что среди людей не бывает, временами [они] приходят в дома к людям, очень многие вступают [с ними] в связь» [Лю И-цин 1988: 73]²⁵.

Ли Цзянь-го отмечает, что это третий случай в китайской сюжетной прозе, когда в качестве оборотня выступает выдра [Ли Цзянь-го 1984: 367]²⁶. Также в «Ю мин лу» в качестве оборотня можно встре-

²⁵ Этот рассказ в переводе И. С. Лисевича под названием «Мать и дочь — оборотни» см. в: [Пурпурная яшма 1980: 247–248]. Дунпин — округ, располагавшийся в пределах современного уезда Дунпинсянь пров. Шаньдун. Цюйэху — озеро на территории современного уезда Даньянсянь пров. Цзянсу. Цициания (*Zizania aquatic*) — она же «водной рис», болотная трава высотой до полутора метров, растущая в стоящих или медленно текущих водоемах, по берегам рек и озер. «Платье из лотосов...» — цитата из «Чу цы» (楚辭, «Чуские строфы»). Цзэн Мэй-хай (曾美海, род. в 1980 г.) и Ян Сянь (楊嫻) отмечают, что всего в «Ю мин лу» есть восемь фрагментов, содержащих стихотворные вставки [Цзэн Мэй-хай 2009: 54].

²⁶ Первая выдра-оборотень в китайской письменной традиции зафиксирована у Гань Бао (XVIII. 436): «В уезде Уси округа Уцзюнь есть большой пруд, называемый Шанху. Дин Чу 丁初, служитель на этом пруду, каждый раз после ливня обходил плотину. Как-то весной, после обильных дождей, Чу вышел из дому и пошел вдоль пруда. Солнце клонилось к закату. Оглянувшись назад, он заметил какую-то женщину, всю в темно-зеленом с головы до ног, и сверху над ней зонт, тоже темно-зеленый. Она крикнула ему вослед: “Подождите меня, смотритель Чу!” Чу вначале пожалел ее, хотел было остановиться, но потом усомнился: “Что-то я раньше такого не видел: внезапно появляется женщина и идет, прикрываясь от дождя. Пожалуй, это бесовка”. И Чу ускорил свои шаги. Оглянулся — женщина тоже спешит вослед за ним. Чу пошел еще быстрее. Уйдя извилистым путем довольно далеко, оглянулся — а женщина бросилась в пруд, разнесся громкий всплеск, одежда ее и зонт разлетелись в разные стороны. Пригляделся — да это большая голубая выдра, а платье и зонт — листья лотоса. Когда такая выдра принимает человеческий облик, она чаще всего превращается в миловидную девушку» [Гань Бао 1994: 435–436]. Второй раз выдру-оборотня можно встретить в одном из сохранившихся фрагментов «Чжэнь и чжуань» (甄異傳, «Повествования, выявляющие странное») Дай Цзо (戴祚, конец IV — первая половина V в.), где Ян Чоу-ну 楊丑奴 вечером на озере встречает очень красивую девушку, с лодки, собирающую водяные орехи, и девушка в виду наступающей ночи предлагает разделить с ней трапезу, а потом «вдруг погасила огонь и стала [с ним] спать. [Чоу-ну] почувствовал исходящее от нее зловоние, и пальцы на [ее]

тить петуха, черепаху, летучую мышь, даже метлу. И, конечно, лису. Лисы-оборотни в «Ю мин лу» — те, что оборачиваются женщинами, практически все не причиняют людям зла; напротив, именно лисы становятся в таких рассказах жертвами. Прочие же лисы — вредны и коварны, как им и положено, строят козни, но знающие люди с ними успешно борются.

«Во времена цзиньского Хайси-гуна у одного человека умерла мать. Был [тот человек] беден, похороны устроить не мог, а оттого утащил гроб глубоко в горы, соорудил могилу в склоне, как почтительный сын денно и ночью без усталости скорбя [подле могилы]. Однажды вечером появилась женщина с ребенком на руках — попросилась на ночлег. Настала ночь. Почтительный сын еще не покончил с делами, а женщина попросилась спать — прилегла у костра, и оказалось, что это лиса с черной курицей в лапах. [Тогда] почтительный сын зарубил их и сбросил в яму позади [могилы].

Наутро появился молодой человек.

— Моя родственница тут проходила вчера, — обратился он [к почтительному сыну]. — Но настала ночь, [ей] пришлось заночевать. Где она теперь?

— Тут была лишь лисица, — отвечал почтительный сын. — И я ее зарубил.

— Да вы, сударь, ни за что мою жену убили! — сказал молодой человек. — Как же можете выдавать [ее] за лису? А ну, где та лисица?

[Они] вместе подошли к яме, смотрят — а лиса вновь стала женщиной, лежит в яме мертвая! Молодой человек связал почтительного сына, потащил к властям, дабы в отместку покарали его смертью.

— Но [он] на самом деле оборотень! — сказал почтительный сын начальнику. — Вы лишь охотничьих собак выпустите, сразу распознаете!

Начальник спросил псаря:

— Помогут собаки распознать [лиса]?

— [Лисы] по природе своей собак боятся, — был ответ. — но может и не получиться.

Тогда спустили собак, и [молодой человек] превратился в старого лиса — тут его и застрелили. Смотрят — а женщина снова превратилась в лису» [Лю И-цин 1988: 89]²⁷.

руках оказались страшно короткие — и понял: это оборотень. А тварь эта уж знала, что у человека на уме — выскочила прочь, обернулась выдрой и стремительно скрылась в воде» [Цао Пи 1988: 88–89].

²⁷ Хайси-гун — имеется в виду Сыма И (司馬奕, 342–386), цзиньский император Фэй-ди (годы правления 365–371), в результате заговора уступивший трон Сыма Юю (司馬昱, 320–372, Цзяньвэнь-ди, годы правления 371–372) и отправленный в ссылку сначала в ранге вана — Дунхай-вана, а в 372 г. получивший понижение до титула Сихай-гуна.

Примерно то же самое происходит в «Ю мин лу» и с прочими животными-оборотнями.

«Цзиньский *мишуцзян*²⁸ *Вэнь Цзин-линь* (溫敬林) из Тайюаня уж год как умер, как вдруг супруга его, госпожа Сюань, видит: [Цзин-]линь вернулся домой! Стали жить вместе как прежде.

[Цзин-линь] опасался попасться на глаза другим домочадцам, и когда к нему пришел племянник, [Цзин-]линь говорил с ним из-за едва приоткрытого окна. Потом однажды [Цзин-линь] напился допьяна, раз — и оказался старой желтой собакой из соседнего дома!

[Собаку] забили до смерти» [Лю И-цин 1988: 74–75].

Увлечение Лю И-цина буддизмом в последние годы жизни нашло отражение и в «Ю мин лу»: в сборнике весьма сильны буддийские мотивы. Правда, на мой взгляд, они сильны не настолько, чтобы можно было рассматривать этот сборник в ряду «буддийских» сяошо, как это делает Хоу Чжун-и. В «Ю мин лу» действительно есть фрагменты, содержание которых иллюстрирует идею неотвратимости загробного воздаяния или же веры в Будду как средства спасения от несчастий и нечисти, но удельный вес таких фрагментов в этом пестром собрании всевозможных историй о душах умерших, духах, оборотнях и разных удивительных случаях не столь велик, так что говорить об исключительно буддийском характере «Ю мин лу» было бы преувеличением. А среди фрагментов буддийского характера особый интерес представляют рассказы (они в основном сосредоточены в последних двух цзюанях), повествующие о посещении загробного мира. Линь Чэнь обращает внимание, что именно Лю И-цин в «Ю мин лу» одним из первых в истории китайской словесности ввел в сяошо подробное описание ужасов ада и мук, ждущих там грешников [Линь Чэнь 1998: 161]. Идущие друг за другом истории о Шу Ли (舒禮), Кан А-дэ (康阿得), Ши Чан-хэ (石長和) и Чжао Тае (趙泰) — довольно объемные повествования, построенные по шаблону, когда главного героя, после того как он умер, загробные посланцы доставляют в судилище, но позднее, поскольку он оказался там в результате ошибки, позволяют герою вернуться в мир живых, а перед этим — немного познакомиться с устройством ада и подробностями воздаяния (а для

²⁸ *Мишуцзянь* — придворная должность, существовавшая с ханьского времени. Исполнявший ее чиновник ведал подготовкой докладов императору, а также курировал составление государственной истории и обеспечивал хранение августейших документов, собрание картин и книг.

праведника Кан А-дэ в качестве своеобразного извинения перед воскрешением устраивают по аду экскурсию).

Вот самый короткий из указанных трех фрагментов.

«В уезде Бацюсянь был шаман-заклинатель Шу Ли — в первый год под цзиньским девизом правления Юн-чан [он] заболел и умер, и *тудишэнь* собрался направить [его] на Тайшань. А молва гласила, что шаманы — [они] даосы, и потому, лишь прибыв к странноприимному дому в загробном управлении, тудишэнь спросил привратника:

— Это что за место?

— Странноприимный дом даосов, — был ответ.

— Шу Ли как раз даос, — сказал тудишэнь и передал [Шу Ли] привратнику.

Ли вошел, видит — сотни тысяч комнат, всюду повешены занавеси, стоят лежанки, мужчины и женщины отдельно, кто-то молится, кто-то поет славословия, естественные еда, питье — непередаваемое благолепие!

Имя Ли уже было послано на Тайшань, а самого его все не отсылали. [Ли] пристал с расспросами к тудишэню.

— Вы же видели те тысячи комнат, [мы] спросили привратника, сказали, [что вы] даос — вот [вас] сюда и приписали, — ответил [туди]шэнь.

Тогда [Ли] попросил [туди]шэня изъять его из этих списков.

Вдруг видит Ли: какой-то человек, с восемью руками, четырьмя глазами устремился к нему, схватив золотую палицу. Ли в испуге выбежал прочь [из странноприимного дома], а за воротами уж был [туди]шэнь, — схватил Ли и повлек на Тайшань. Владыка Тайшани спросил Ли:

— Чем вы, сударь, занимались в брэнном миреу?

— Служил тридцати шести тысячам духов, избавлял людей от скверны, приносил [кровавые] жертвы духам и умершим! — отвечал Ли.

— Так ты, угодничая духам, убивал животных! — вскричал владыка. — Это самое страшное преступление, поджарить его!

Передал [Ли] прислужниками, и те потащили [Ли] за собой.

Ли увидел существо — с бычьей головой и человечески телом, с железными вилами в руках. [Существо] насадило Ли на вилы и опрокинуло на железное ложе, и все тело [Ли] сторело до углей, и [он] молил о смерти, но безответно. Так прошло несколько дней и ночей, и становилось все хуже.

Потом владыка навел справки и узнал, что отпущенные Ли годы жизни еще не вышли, дал приказ вернуть [его] обратно, и строго наказал:

— Не смей более убивать животных в угоду непростойм ритуалам!

Тут Ли ожил и более заклинательством не занимался» [Лю И-цин 1988: 170]²⁹.

²⁹ Бацюсянь — уезд, располагался на территории современной пров. Хэнань. Первый год под цзиньским девизом правления Юн-чан — 322. *Тудишэнь* — дух-покровитель местности, одно из низших божеств китайского пантеона и одно из са-

Это один из самых своеобразных рассказов на интересующую нас тему в «Ю мин лу». Последователи даосского и буддийского учений, объединенные в народном сознании в «даосы» (道士, «люди Пути»), собранные в одном месте, пользуются всеми благами земной жизни, но молятся Будде (*нянь сунн*, 念誦) и поют буддийские славословия (*бай чан*, 唄唱); да и само их пристанище обозначено словом *фу шэ* (福舍, «странноприимный дом», от санскр. *puṇyaśāla*). Идея загробного ада, реализованная в некоторых предшествующих сборниках, в «Ю мин лу» получает дальнейшее развитие, и владыка горы Тайшань, где, как мы помним, в сознании китайского народа и находилось загробное судилище, тоже поменял взгляды на буддийские: самое страшное преступление для него — наносить вред живым существам. В этой коллизии Хоу Чжун-и склонен видеть противоборство буддизма и даосизма [Хоу Чжун-и 1990: 141]. Мы не будем столь категоричны и увидим здесь скорее религиозный синкретизм.

«... Кто убивал живых, должен стать поденкой, что родится утром, а к вечеру умирает, а если и родится человеком, то срок жизни его будет короткий; промышлявший разбоем станет свиньей или овцой, и ее забьют, а мясо пойдет в пищу; кто развратничал, станет лебедем или уткой со змеиной шеей; злоязыкий станет совой с мерзким голосом, от звука которого хочется выть и даже умереть» [Лю И-цин 1988: 181].

Если обратиться к материалу «буддийских» сяошо (фактически собраний притч, представленных читателю с очевидной утилитарной целью), то мы увидим, что путешествие в загробный мир — один из основных их мотивов; в «Ю мин лу» же истории, имеющие буддийскую направленность, переработаны в сюжетные рассказы, и учительная нагрузка в них — не самоцель; эти рассказы органично вплетены в общую пеструю картину сверхъестественной изнанки окружающего мира. В целом же следует подчеркнуть, что «Ю мин лу» — неординарный сборник, выдающийся как по форме, так и по содержанию; здесь мы находим значительные по объему сюжетные повествования, насыщенные тонко прописанными деталями и геро-

мых почитаемых. По традиционным китайским представлениям, любая местность имела своего тудишэня, назначаемого «загробной администрацией» и ведавшего всеми духами и волшебными существами данной местности, включая сюда и души умерших. Для взаимоотношений с туди сооружались кумирни — маленькие, как правило до метра в высоту, примитивные и грубые.

ями, а также диалогами, масштабом вполне способные сравниться с некоторыми образцами танских новелл (таких в «Ю мин лу» более двух десятков). Характерной особенностью сборника Лю И-цина можно считать и то обстоятельство, что подавляющее большинство его героев — простые люди, чиновники невысокого ранга, монахи буддийские и даосские, словом, все те, чьи имена, как правило, не отмечены в исторических сочинениях. Этот сборник вместе с «Ши шо синь юй» сыграл значительную роль в становлении старой китайской сюжетной прозы; а все составляющие его фрагменты, говоря словами Хоу Чжун-и, «обладают сюжетной сложностью, законченностью структуры и отчетливостью образов» [Хоу Чжун-и 1990: 145]. Продолжая существующие традиции, Лю И-цин вдохнул свежее содержание в старые сюжеты, привнес совершенно новые мотивы (такие, как мотив покинувшей тело души), поднял на более высокий художественный уровень стиль изложения, отметив очередную реперную точку на пути китайского литературного процесса³⁰.

ЛИТЕРАТУРА

На русском языке

- Гань Бао 1994 — *Гань Бао*. Записки о поисках духов (Соу шэнь цзи) / пер. с древне-кит., предисл., прим. и словарь-указатель Л. Н. Меньшикова. СПб., 1994.
- Пурпурная яшма 1980 — Пурпурная яшма: китайская повествовательная проза I–VI вв. / пер. с кит. М., 1980.
- Рассказы о необычайном 1977 — Рассказы о необычайном: Сб. дотанских новелл / пер. с кит. [А. Тишкова и В. Панасюка]. М., 1977.

³⁰ Ср.: «... Мы видим, что “Записи о тьме и свете” не только продолжили художественную традицию сюжетной прозы о удивительном “Записок слышанного о странном” Чэнь Ши, “Отдельных повествованиях о странном” Цао Пи, “Записок о поисках духов” Гань Бао и “Последующих записок о поисках духов” Тао Цяня, но и в то же время восприняли художественные стороны исторической литературы, исторической прозы и буддийской культуры; в этом сборнике есть не только то, что родилось из разговоров на улицах, пересудах в переулках и беседах в дороге, когда автор всего лишь фиксировал подобный материал, но есть и такие произведения, в которых автор сосредоточился на собственных мыслях и чувствах, в согласии с собственными эстетическими установками создав предшественников танской новеллы» [Ван Хэн-чжань 2002: 151–152].

На английском языке

Campany 1996 — *Campany R. Strange Writings: Anomaly Accounts in Early Medieval China*. Albany, 1996.

На китайском языке

- Ван Го-лян 1980 — *Ван Го-лян* (王國良). «Ю мин лу» яньцзю (《幽明錄》研究, Исследование «Записей о тьме и свете») // Чжунго гудянь сяошо яньцзю чжуаньцзи (中國古典小說研究專集, Отдельный сборник исследований китайской классической прозы). Вып. 2. Тайбэй, 1980. С. 47–60.
- Ван Хэн-чжань 2002 — *Ван Хэн-чжань* (王恆展). И ши «юи вэй сяошо» — «Ю мин лу» саньлунь (已始《有意為小說》—《幽明錄》散論, Начало «осознанного написания сюжетной прозы» — заметки о «Записях о тьме и свете») // Пу Сун-лин яньцзю (蒲松齡研究, Исследования Пу Сун-лина). 2002. №4. С. 142–152.
- Жун Сяо-цзо, Чжан Сяо-цянь 2005 — *Жун Сяо-цзо* (榮小措), *Чжан Сяо-цянь* (張曉倩). «Ю мин ду» чжундэ сяньши цзинсян (《幽明錄》中的現實鏡像, Зеркальное отображение реальности в «Записях о тьме и свете») // Шанло шифань чжуанькэ сюэсяо сюэбао (商洛師範專科學校學報, Вестник специализированного педагогического училища в Шанло). 2005. №19. С. 105–108.
- Инь Юнь 1999 — *Инь Юнь* (殷芸). Сяо шо (小說, Пустяковые рассказы) / Ван Гэнь-линь цяодянь (王根林校點, крит. текст Ван Гэнь-линя) // Хань Вэй Лючао бицзи сяошо сяошо дагуань (漢魏六朝筆記小說大觀, Большое обозрение бицзи сяошо эпох Хань, Вэй и Шести династий). Шанхай, 1999. С. 1011–1046.
- Цао Пи 1988 — *Цао Пи* (曹丕). Ле и чжуань дэн у чжун (列異傳等五種, Отдельные повествования о странном и другие четыре сборника) / Чжэн Сюэ-тао цяочжу (鄭學弼校注, крит. текст и комм. Чжэн Сюэ-тао). Пекин, 1988.
- Ли Цзянь-го 1984 — *Ли Цзянь-го* (李劍國). Танцянь чжигуай сяошо ши (唐前志怪小說史, История дотанских рассказов об удивительном). Тяньцзинь, 1984.
- Линь Чэнь 1998 — *Линь Чэнь* (林辰). Шэньгуай сяошо ши (神怪小說史, История волшебного рассказа). Ханчжоу, 1998.
- Лу Сюнь 1973 — *Лу Сюнь* (魯迅). Гу сяошо гоучэнь (古小說鈎沉, Извлечения из книг старой прозы) // Лу Сюнь цюаньцзи (魯迅全集, Полн. собр. соч. Лу Сюня): в 20 т. Т. 8. Шанхай, 1973. С. 119–657.
- Лю И-цин 1988 — *Лю И-цин* (劉義慶). Ю мин лу (幽明錄, Записи о тьме и свете) / Чжэн Вань-цин цичжжу (鄭晚晴輯注, ред. и комм. Чжэн Вань-цина). Пекин, 1988.
- Лю Сай 2007 — *Лю Сай* (劉賽). Линьчуань-ван Лю И-цин чжаоцзи вэньши ходун каобянь (臨川王劉義慶 招集文士活動考辨, Разыскания о деятельности Линьчуаньского князя Лю И-цина по объединению вокруг себя литераторов) // Хубэй дасюэ сюэбао (湖北大學學報, Вестник Хубэйск. ун-та). 2007. №6. С. 73–77.
- Мэн Цин-ян 2007 — *Мэн Цин-ян* (孟慶陽). «Ю мин лу» чжундэ хуньянь тигай сяошо (《幽明錄》中的婚戀題材小說, Рассказы о любви в браке в «Записях о тьме и свете») // Ибинь сюэюань сюэбао (宜賓學院學報, Вестник Ибиньск. академии). 2007. №3. С. 20–22.

- Фань Чун-гао 2011 — *Фань Чун-гао* (范崇高). «Ю мин лу» цыюй чжуши шанцюэ (《幽明錄》詞語注釋商榷, Дискуссия о толковании речевых оборотов из «Записей о тьме и свете») // Ибинь сюэюань сюэбао (宜賓學院學報, Вестник Ибиньск. академии). 2011. № 1. С. 63–65.
- Хань Вэй Лючао бицзи сяошо дагуань 1999 — Хань Вэй Лючао бицзи сяошо дагуань (漢魏六朝筆記小說大觀, Большое обозрение бицзи сяошо эпох Хань, Вэй и Шести династий). Шанхай, 1999.
- Хоу Чжун-и 1990 — *Хоу Чжун-и* (侯忠義). Чжунго вэньянь сяошо шигао (中國文言小說史稿, Черновая история китайской сюжетной прозы на классическом языке): в 2 т. Т. I. Пекин, 1990.
- Хун Май 1994 — *Хун Май* (洪邁). И цзянь чжи (夷堅志, Записи И-цзяня): в 4 т. Тайбэй, 1994.
- Цзэн Мэй-хай 2009 — *Цзэн Мэй-хай* (曾美海), *Ян Сянь* (楊嫻). «Ю мин лу» дэ чжи-гуай тиши цзици вэньсюэ цзячжи (《幽明錄》的志怪體式及其文學價值, Форма записей об удивительном из «Записей о тьме и свете», а также ее литературная ценность) // Яньчэн гунсюэюань сюэбао (鹽城工學院學報, Вестник Яньчэнск. технолог. академии). 2009. №3. С. 52–55.
- Чжоу И-лян 1985 — *Чжоу И-лян* (周一良). Вэй Цзинь Наньбэйчао ши чжацзи (魏晉南北朝史札記, Разные заметки по истории Вэй, Цзинь и Южных и северных династий). Пекин, 1985.
- Чжоу И-лян 1991 — *Чжоу И-лян* (周一良). Вэй Цзинь Наньбэйчао ши луныцзи сюйбянь (魏晉南北朝史論集續編, Продолжение сборника статей по истории Вэй, Цзинь и Южных и северных династий). Пекин, 1991.
- Чжоу и ичжу 2007 — Чжоу и ичжу (周易譯注, «[Канон] перемен эпохи Чжоу» с переводом на современный язык и комментариями) / Хуан Шоу-ци, Чжан Шаньвэнь ичжу (黃壽祺, 張善文譯注, пер. и комм. Хуан Шоу-ци и Чжан Шаньвэня): в 2 т. Шанхай, 2007.
- Чжунго вэньянь сяошоцзя пинчжуань 2004 — Чжунго вэньянь сяошоцзя пинчжуань (中國文言小說家評傳, Критические биографии авторов сюжетной прозы на древнекитайском языке) / Сяо Сян-кай чжубянь (蕭相愷主編, гл. ред. Сяо Сян-кай). Чжэнчжоу, 2004.
- Чжунго гудай ши да чжигуай сяошо шанси 1992 — Чжунго гудай ши да чжигуай сяошо шанси (中國古代十大志怪小說賞析, Десять великих древнекитайских сборников сяошо об удивительном, с анализом) / Е Гуй-ган, Ван Гуй-юань чжубянь (葉桂岡, 王貴元主編, под ред. Е Гуй-гана и Ван Гуй-юаня): в 2 т. Пекин, 1992.